

ВИТАЛИНА БУТКАЛЮК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

VITALINA BUTKALIUK,

Candidate of Sciences in Sociology, Research Fellow at the Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

vbutkalyuk@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0003-1339-6393>

Неравенство в сфере труда: глобальное измерение

Метаморфозы сферы труда и занятости в условиях постфордизма

Перевод капиталистической экономики на неолиберальные рельсы, начатый в странах ядра на рубеже 70–80-х годов XX века, на пороге третьего тысячелетия принял планетарные масштабы и привел к трансформации общественной жизни как в центре капиталистической мир-системы, так и в странах полупериферии и периферии. В результате утверждения рыночного фундаментализма в странах разного уровня развития капитализм приобрел глобальный характер. В ходе реализации радикальных экономических реформ в мире произошли коренные преобразования в сфере труда и занятости, которые привели к изменению соотношения сил между трудом и капиталом в пользу последнего на глобальном, межрегиональном и внутривосточном уровнях.

В условиях внедрения постфордизма/неолиберализма в экономическую практику характерные для «золотого века наемного труда»¹ стандартные трудовые отношения начали вытесняться нестандартными² формами занятости. На

1 «Золотой век наемного труда» — 60-ые годы XX в., хронологически совпадающие с расцветом государства всеобщего благосостояния и ставшие результатом реализуемых им широких социальных программ в совокупности с весомой силой профсоюзного движения.

2 Нестандартные формы занятости — собирательный термин, включающий формы занятости, отличные от стандартной хотя бы по одному из нескольких критериев. Если под стандартной занятостью принято понимать бессрочную полную занятость, характеризующуюся взаимоотношениями подчинения работника работодателю, то к нестандартной относятся временная (срочная) занятость, работа на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и другие многосторонние трудовые отношения, а также замаскирован-

микроуровне они зачастую характеризовались меньшей оплатой труда, большими рисками и степенью эксплуатации работников, а также меньшим уровнем трудовых гарантий и социальной защищенности [Нестандартные формы, 2017: сс. 17–19]. На макроуровне, несмотря на краткосрочные выгоды для предприятий или отдельных работников, широкое распространение нестандартного труда оказало в основном негативное влияние на экономику, проявляясь в недостаточном инвестировании инноваций, замедлении темпов роста производительности труда, угрозах системам социального обеспечения, высокой волатильности рынка труда и низких экономических показателях развития [Нестандартные формы, 2017: с. 1].

Сегодня незащищенный, лишенный прав и гарантий труд — явление, получившее широкое распространение в течение последних десятилетий, — принято называть прекарным¹. Справедливости ради необходимо отметить, что такая занятость имела место и ранее, однако в наши дни она из эпизодической превратилась в устойчивый тренд. Более того, статусная неопределенность не ограничилась сферой трудовых отношений, а стала неотъемлемой характеристикой практически всех сфер жизнедеятельности людей, их взаимоотношений с социальными и политическими институтами, государством и обществом, семьей, профессией, образовательной системой [Тоценко, 2018: сс. 63–64].

Основной причиной роста уязвимости и прекаризации занятости в последние десятилетия было снятие ограничений на реализацию основной функции капитала — систематического получения прибыли — при минимизации производственных расходов, снижающих эту прибыль (налоги в социальные фонды, оплачиваемые отпуска, затраты на пенсии и т.п.) [Анисимов, 2019: с. 548]. В широком контексте, прекарная занятость позволяет работодателям перекладывать риски и ответственность на работников [From precarious, 2012: p. 27]. «Усмирение» социальной политики государства всеобщего благосостояния, несколько сглаживающей негативные для наемных работников последствия циклических колебаний капиталистической экономики в период «славного послевоенного 30-летия», сыграло важнейшую роль в насаждении неолиберального порядка.

Данные трансформации стали возможными в результате смены политической повестки дня в промышленно развитых странах Запада. Начало радикального разворота от кейнсианства в сторону неолиберализма было обусловлено приходом к власти сторонников теории и практики «свободного предпринимательства» — М. Тэтчер в Великобритании в 1979 году и Р. Рейгана в США в 1980-м. Ставку правящих кругов в этих странах на переход к рыночному фундаментализму они оправдывали необходимостью преодоления глубокого экономического кризиса в капиталистическом мире в конце 1970-х годов. В итоге оказалось, что власть иму-

ные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость. Данная классификация соответствует выводам Совещания экспертов по нестандартным формам занятости МОТ, принятым в феврале 2015-го года [Conclusions of the Meeting, 2015]. В рамках этих четырех групп есть различные подгруппы форм занятости, специфика которых зависит от каждой отдельно взятой страны [Нестандартные формы, 2017: с. 1–2].

1 Под прекарной занятостью принято понимать работу (выполняемую как в формальной, так и неформальной экономике), характеризующуюся различными уровнями и степенями объективных (правовой статус) и субъективных (ощущаемых) показателей неопределенности и незащищенности [From precarious, 2012: p. 27].

шие также преследовали цель отказаться от дальнейшей государственной поддержки относительно высоких стандартов жизни населения, достигнутых после Второй мировой войны в рамках государства всеобщего благосостояния, а также в результате борьбы профсоюзов за экономические интересы и демократические права трудящихся. С середины 1980-х годов, после повторного прихода к власти М. Тэтчер и Р. Рейгана на волне широкой пропаганды новой экономической платформы, нелиберальные идеи (свободный рынок, дерегулирование, низкие налоги, ограниченное вмешательство государства в экономику, гибкие рынки труда и т.д.) возобладали окончательно и в последующие десятилетия претворялись в жизнь, несмотря на смену лиц и партий в высших эшелонах власти этих стран, а также большинства стран мира [Стедмен-Джоунз, 2017: с. 336].

В результате структурных нелиберальных трансформаций постоянными атрибутами сферы труда стали нестабильность и ненадежность занятости, высокий уровень недоиспользования труда, широкое распространение рабочей бедности и малообеспеченности, а также стремительно увеличивающееся неравенство [Буткалюк, 2021]. По мнению многих исследователей, дальнейшее расширение и углубление социально-экономического неравенства в современном мире грозит ему многими политическими, экономическими и социальными катастрофами [World Inequality Report, 2017: p. 8].

Поэтому целью данной статьи является исследование на основе экономико-социологического подхода ключевых причин, масштаба и специфики проявления неравенства в сфере труда в результате нелиберальных экономических реформ.

Основные причины роста неравенства в сфере труда

Сокращение доли трудовых доходов в национальном доходе стран и ослабление связи между ростом производительности труда и заработной платой являются ключевыми тенденциями в сфере труда в современный период. Наряду с демонтажем государства всеобщего благосостояния и ослаблением позиций профсоюзов в коллективно-договорном процессе (при усилении позиций корпораций и бизнеса) названные тренды служат главными причинами роста экономического неравенства в целом, а также общего ухудшения социально-экономического положения трудящихся. Интенсификация процессов глобализации, компьютеризации, автоматизации, роботизации и цифровизации во многих национальных экономиках в современных институциональных условиях обуславливает эскалацию неравенства и повышение уязвимости занятости.

В этом контексте рассмотрим более детально названные тенденции с точки зрения их влияния на неравенство в сфере труда.

Уменьшение доли трудовых доходов в национальном доходе стран. Тренд к увеличению доли трудовых доходов¹ в национальных доходах стран, имевший

1 Показатель доли трудовых доходов представляет большой интерес для исследователей и используется как один из индикаторов неравенства, отображающий, в какой степени работники получают выгоду от экономического роста в своей стране [World Employment, 2020: p. 62]. Он применяется для измерения прогресса в достижении Цели 10 («Сокращение неравенства внутри стран и между странами») Целей устойчивого развития (ЦУР) Организации Объединенных Наций (ООН), где с его помощью оценивается связь между изменениями на рынке труда и тенденциями неравенства в мире.

место в период послевоенного восстановления экономики в промышленно развитых странах мира, способствовал более равномерному распределению доходов, повышению благосостояния трудящихся и росту численности среднего класса. Однако с началом неоллиберальных реформ функциональное распределение национального дохода (т. е. его распределение между трудом и капиталом) изменилось в пользу собственников капитала, и доля трудового дохода начала снижаться. Результаты исследований Международной организации труда (МОТ) показали, что данный процесс коррелирует с растущим в последние десятилетия неравенством в оплате труда и в доходах домохозяйств [Заработная плата, 2018: с. 3].

Снижение доли труда в национальном доходе стран носит глобальный характер и, начиная с 80-х годов XX века, фиксируется во многих странах мира [Наге, 2004: р. 6]. Например, в развитых капиталистических странах в период 1980–2015 годов доля трудовых доходов сократилась на 8 процентных пунктов [Доклад о человеческом развитии, 2015: с. 100]. Расчеты ОЭСР свидетельствуют, что в среднем скорректированная (с учетом самозанятых работников) доля труда в странах G20 снижалась примерно на 0,3 процентного пункта в год в период с 1980-го по конец 2000-х годов [Labour Share in G20, 2015: р. 2].

Функциональное перераспределение доходов является постоянно действующим имманентным свойством неоллиберального капитализма. Это заключение подтверждают Э. Хайн и М. Мундт, изучавшие дифференциацию доходов в наиболее развитых странах в период неоллиберализма и финансиализации экономических систем. Сделанные ими расчеты на базе данных Европейской Комиссии, скорректированные с учетом изменений в структуре занятости, подтвердили наличие тенденции к снижению доли трудовых доходов в ВВП развитых стран с начала 1980-х годов. Кроме того, авторы названного исследования обратили внимание на приостановку данной тенденции во время экономических кризисов [Hein, Mundt, 2012: р. 4]. Эти циклические колебания объясняются так называемыми антициклическими свойствами доли трудовых доходов, связанными с тем, что во время экономических спадов заработная плата, как правило, менее волатильна, чем прибыль. Это подтверждают и фиксируемые разными исследованиями приостановка тенденции к снижению доли трудового дохода в национальном доходе в период экономических кризисов и ее последующее посткризисное восстановление [Labour Share in G20, 2015: р.2; Заработная плата, 2013: с. 45].

Тренд к снижению доли труда, начавшийся в 1980-х годах, сохраняется до сих пор. Согласно данным МОТ, в период 2004–2017 годов скорректированная доля мирового трудового дохода снизилась с 53,7% до 51,4% [The Global Labor Income Share, 2019: р. 6]. Кажущиеся незначительными в разрезе макроданных изменения довольно ощутимы, если их интерпретировать относительно влияния на уровень дохода отдельного работника. Так, если бы в течение указанного периода доля трудовых доходов не снижалась, а оставалась стабильной, то средний рабочий в 2017 году заработал бы на 820 долл. США (ППС) больше [World Employment, 2020: р. 67].

В динамике падения доли труда в доходах стран исследователями отмечаются существенные региональные различия. Наибольшее сокращение этого показателя в 2004–2017 годах происходило в Европе, Центральной Азии и Америке. За указанный период доля трудовых доходов в Северной и Южной Америке снизилась на 1,6%, в Европе и Центральной Азии — более чем на 2%, в США —

почти на 3%. В европейском регионе наиболее значительное снижение названного индикатора зафиксировано в Германии, Великобритании, Италии и Испании [World Employment, 2020: p. 67].

В развивающихся государствах и странах с «переходной экономикой» данная тенденция начала отчетливо проявляться в конце 1980-х — начале 1990-х годов, особенно после разрушения СССР и демонтажа мировой социалистической системы, выступавших на протяжении нескольких десятилетий серьезным барьером на пути глобального распространения рыночного фундаментализма. Исследование МОТ, проведенное в группе из 16 развивающихся государств и стран с «переходной экономикой», зафиксировало, что средний показатель доли труда в них уменьшился примерно с 62% ВВП в начале 1990-х годов до 58% накануне глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов [Заработная плата, 2013: с. 44].

Долгосрочное снижение доли трудовых доходов с их антициклическими проявлениями во время кризисов также наблюдается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тенденции которого определяют наиболее динамичные экономики Индии и Китая [World Employment, 2020: p. 67]. Имеющиеся данные по Китаю, а также Кении, Южной Корее, Мексике и Турции свидетельствуют, что в этой группе стран сокращение доли труда началось (хотя и с разной интенсивностью) еще с 1980-х годов. Темпы снижения указанного показателя были весьма высокими и в Северной Америке. Более стабильной, но неуклонно сокращающейся была доля трудовых доходов в странах Латинской Америки [Заработная плата, 2013: сс.44, 47].

Противоположной стороной данной тенденции стало повышение доли капиталистической прибыли. На глобальном уровне в период 2004–2017 годов доля капитала увеличилась с 46,3% до 48,6% [The Global Labor Income Share, 2019: p. 6]. Большая часть этого прироста приходилась на непроизводственный финансовый сектор [Заработная плата, 2013: с. 47]. Анализ ситуации в том же контексте по четырем развитым странам (Франция, Германия, Великобритания и США) показал, что в период 1987–2008 годов значительная часть возросшей прибыли корпораций тратилась на увеличение выплат дивидендов их акционерам. Если, например, во Франции выплата дивидендов в начале 1980-х годов равнялась 4% общего фонда заработной платы, то уже в 2008-м повысилась до 13%. А в США на выплату дивидендов тратилось три четверти валовой операционной прибыли. Такой подход в распределении прибыли способствовал еще большему росту неравенства доходов домохозяйств [Заработная плата, 2013: с. 48].

Ослабление связи между ростом производительности труда и заработной платой. Еще одним существенным фактором снижения трудовых доходов, который обуславливал увеличение неравенства в условиях постфордизма, стало размывание связи между ростом производительности труда и ростом заработной платы. В большинстве стран мира в последние десятилетия темпы роста заработной платы отставали от темпов роста производительности труда, что привело к сокращению доли трудовых доходов в ВВП. Причиной этого является комбинация факторов, имеющих место в современном мире, в частности глобализация, изменение требований к квалификации в условиях технического прогресса, ослабление институтов рынка труда, а также растущее давление со стороны финансовых рынков с целью распределения прибыли корпораций в пользу инвесторов [Заработная плата, 2018: с. 2].

Увеличение разрыва между производительностью и заработной платой носит глобальный характер, хотя имеет региональную специфику [Pasimeni, 2018: p. 6]. Наиболее отчетливо этот тренд прослеживается в США. Если за три послевоенных десятилетия почасовая оплата труда подавляющего большинства американских рабочих выросла на 91%, что примерно соответствовало росту производительности труда (97%), то с середины 70-х годов XX века темпы роста оплаты труда все больше отставали от темпов роста производительности. В результате этого все большая часть плодов все более продуктивного труда рабочих оседала в карманах собственников бизнеса и крайне незначительного числа наиболее высокооплачиваемых работников, практически никак не отображаясь на трудовых доходах большинства трудящихся. С 1973-го по 2013-й почасовая оплата типичного рабочего (работающего в промышленном секторе и не выполняющего руководящие функции) выросла всего на 9%, в то время как производительность — на 74%. Этот разрыв стал особенно очевиден с 2000-х годов и затронул как работников с высшим и незаконченным высшим образованием, так и типичных «синих воротничков» [Mishel, Gould, Bivens, 2015: p. 4]. Данная тенденция наблюдается в большинстве стран мира и характерна как для развитых [Decoupling of wages, 2018: p. 55], так и для развивающихся экономик [Заработная плата, 2013: сс. 19–20].

Исследование МОТ по 36 странам показало, что рост производительности труда в развитых странах с 1999 года более чем вдвое превысил рост средней заработной платы [Заработная плата, 2013: с. 49]. А в одной из наиболее сильных экономик Европы — Германии — производительность труда за последние двадцать лет увеличилась почти на четверть (22,6%), тогда как реальная месячная заработная плата фактически осталась неизменной. При этом между почасовой производительностью труда и почасовой оплатой труда также наблюдался разрыв. В 2011 году почасовая оплата труда в Германии лишь незначительно (на 0,4%) превышала уровень 2000 года, в то время как производительность труда за этот период выросла на 12,8% [Заработная плата, 2013: с. 49].

Тенденции в этом отношении в азиатских странах контрастируют с положением в других регионах. Общая динамика в этом регионе формируется в основном под влиянием развития китайской экономики, характеризующейся сильным экономическим ростом и существенным повышением уровня трудовых доходов. В Китае среднегодовой рост заработной платы в городских территориальных единицах за период 2000–2010 годах равнялся 12%. В целом за указанный период реальная заработная плата в Китае выросла более чем в три раза. Данный факт не только вносит существенные коррективы в глобальные показатели темпов роста заработной платы и уровня неравенства, но и свидетельствует о приближении конца «дешевой рабочей силы» в КНР. При этом в данной стране рост заработной платы также отстает от роста производительности труда¹ [Заработная плата, 2013: с. 20].

1 Данные динамики заработной платы и производительности труда в развивающихся странах следует интерпретировать с осторожностью в связи с нехваткой достоверных данных, в первую очередь, из-за широкой распространенности в них неформальной занятости. Кроме того, этот анализ усложняется тем, что статистические данные по средней заработной плате учитывают заработок оплачиваемых работников (число которых в некоторых странах Азии составляет менее половины рабочей силы), тогда как при расчете производительности труда

Весомое влияние на динамику неравенства в сфере труда имеет также показатель минимальной заработной платы и его корреляция с темпами роста производительности. В современных условиях в некоторых странах наблюдается, во-первых, уменьшение реальной минимальной заработной платы, а также ее несоответствие росту производительности труда. Например, в США пик роста минимальной заработной платы пришелся на 1968 год, когда она достигла 9,58 долл. США / час, и в течение всех 30 предшествующих этому лет увеличение минимальной оплаты труда тесно коррелировало с ростом его производительности. Как и в случае со средней заработной платой данная связь была ослаблена неолиберальными реформами. По расчетам экспертов, если бы темпы роста минимальной зарплаты в США соответствовали темпам роста производительности, сегодня она составляла бы 18 долл. США/час. Однако, ныне она равняется всего 7,25 долл. США/час и соответствует почасовому трудовому доходу 20% наименее оплачиваемых работников США. Таким образом, нынешние низкооплачиваемые американские работники, имея более высокий уровень образования, квалификации и производительности, чем их коллеги в 1968-м, получают в настоящее время за свой труд меньшую, чем те, заработную плату. Наиболее контрастно данные диспропорции прослеживаются на примере труда женщин и цветных работников, относящихся к числу наиболее уязвимых на рынке труда групп населения [Mishel, Gould, Bivens, 2015: p. 10].

Демонтаж государства всеобщего благосостояния. Свертывание многих социальных программ в рамках государства всеобщего благосостояния стало одним из наиболее значимых факторов увеличения неравенства в сфере труда в период расширения экономической глобализации и утверждения неолиберализма в планетарном масштабе.

Научный анализ дифференциации доходов и богатства в разных странах подтверждает существенное влияние государственной политики на данный процесс. Авторы известного Доклада о неравенстве пришли к заключению, что разница в темпах роста неравенства между странами с 1980-го по 2016-й объясняется, в первую очередь, особенностями институционального и политического контекста [World Inequality Report, 2017: p. 42]. Наиболее отчетливо это можно проследить на примере стран Западной Европы и США. Если в 1980 году доля верхнего центиля в национальном доходе составляла около 10%, то к 2016-му в странах Западной Европы она выросла до 12%, а в США — до 20%. Такое расхождение объясняется спецификой государственной политики в указанных странах. Значительное увеличение неравенства в области образования, снижение уровня прогрессивного налогообложения, а также рост дифференциации трудовых доходов и увеличение доходов с капитала в названный период сыграли решающую роль в росте неравенства в США. В то же время в странах Западной Европы снижение прогрессивности налогообложения хотя и имело место, но было не столь стремительным, а неравенство в заработной плате смягчалось государственной политикой в области образования и начисления зарплат. Такой подход в целом благоприятствовал группам со средними и низкими доходами [World Inequality Report, 2017: p. 10].

используется ВВП, произведенный всеми работающими (как наемными работниками, так и самозанятыми) [Заработная плата, 2013: с. 24].

В рамках исследования МОТ, охватившего 16 экономически развитых стран (Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция, Великобритания, США), была выявлена корреляция между сводным показателем «размера» государства всеобщего благосостояния и уровнем неравенства. Анализ этой проблемы показал, что чем больше такое государство, тем меньше уровень неравенства. На противоположных полюсах в этом исследовании находились две страны: США с его минимальным социальным государством и максимальным уровнем неравенства и Швеция, где широкая социальная защита населения сопровождалась гораздо более равномерным распределением доходов и минимальным уровнем неравенства среди граждан [World of Work Report, 2008: pp. 88–89].

Наиболее весомое влияние на демонтаж государства всеобщего благосостояния в западных странах оказала масштабная приватизация, а также реформирование системы налогообложения. Передача государственной собственности в частные руки в рамках неолиберальных реформ с начала 80-х годов XX века значительно повлияла как на имущественное неравенство среди частных лиц, так и в целом на способность государств бороться с неравенством и иными социальными проблемами [World Inequality Report, 2017: p. 14].

Роковую роль в росте неравенства сыграло реформирование налоговой политики государств, квинтэссенция которого сводится к снижению прогрессивности налогообложения и проявлению большей лояльности к наиболее обеспеченным группам населения. Изучение тенденций в данной сфере в последние десятилетия говорит о том, что они определялись не столько объективными факторами, обусловленными особенностями развития и функционирования экономических систем в условиях экономической глобализации, сколько интересами транснационального капитала, а также богатых и сверхбогатых слоев населения. Последние в условиях неолиберализма смогли не только максимально сохранить свои капиталы, но и существенно приумножить их посредством уплаты все меньших налогов и использования новых возможностей в деле их минимизации или полного ухода от налогообложения. В результате национальные государства оказались в условиях очень ограниченной ресурсности, недостаточной ни для проведения широкой социальной политики и помощи нуждающимся, ни для адекватной борьбы с последствиями характерных для капитализма кризисов или каких-либо форс-мажорных ситуаций, таких как пандемия COVID-19.

В период 1985–2019 годов средняя ставка корпоративного налога в мире упала с 49% до 23%, а с 1980-го максимальная ставка подоходного налога, например, в США снизилась почти вдвое — с 70% до 37%. В экономически развитых странах средняя максимальная ставка подоходного налога упала с 62% в 1970-м до 38% в 2013 году. По оценкам Сети налогового правосудия (Tax Justice Network), помимо прямых убытков из-за более низких налоговых ставок страны ежегодно теряют в общей сложности более 427 млрд долл. США из-за международных корпоративных налоговых злоупотреблений и уклонения от уплаты налогов частными лицами [The Inequality Virus, 2021: pp. 21–22].

Неолиберальный режим оказался более гуманным в первую очередь для наиболее обеспеченных групп населения: сегодня они платят самые низкие за последние десятилетия налоговые сборы. Только 4 цента на каждый доллар налоговых поступлений составляют налоги на богатство. А в некоторых стра-

нах, например Бразилии и Великобритании, 10% самых бедных граждан платят большую долю своих доходов в виде налогов, чем их сограждане из числа 10% наиболее обеспеченных [Public good or private wealth, 2019: p. 13].

Определенным маркером, отметившим приоритеты современных режимов, был глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов. С целью его преодоления многие правительства начали осуществлять политику жесткой экономии (в частности, сокращая расходы на медицину и образование), снижая при этом налоги для самых богатых людей и корпораций. Как показало проведенное в Великобритании исследование, такие меры привели к увеличению неравенства с непропорционально сильным воздействием на уязвимые слои населения, особенно женщин и определенные расовые группы. Кроме того, одним из последствий такого курса стал рост популистской, авторитарной и расистской риторики [The Inequality Virus, 2021: p. 22], грозящей сегодня странам нестабильностью и социальными катаклизмами.

Эрозия профсоюзного движения в период неолиберализма. Ослабление позиций организованного труда входит в список ключевых характеристик постфордистского мира и относится к числу факторов, оказавших существенное влияние на падение благосостояния и ухудшение жизненных перспектив трудящихся. Кроме того, слабость профсоюзов является важнейшим условием сохранения политического курса современных режимов, изменение которого невозможно без противодействия широких слоев населения, организаторами которых призваны выступать профсоюзы.

Ряд масштабных исследований, проведенных в странах с разным уровнем развития и охватывающих разные временные периоды [Wallerstein, 1999; Rueda, Pontusson, 2000; Bradley, 2003; Calderon, Chong, Valdes, 2004; Koeniger, Leonardi, Nunziata, 2007], подтвердили наличие связи между снижением плотности профсоюзов и ростом неравенства зарплат и доходов в этих странах.

Эксперты МОТ, основываясь на комплексном анализе институтов рынка труда 51 страны мира, подтвердили, что в странах с высокой плотностью профсоюзов и степенью регулирования коллективных переговоров уровень неравенства доходов, как правило, значительно ниже. Кроме того, в рамках данного исследования была зафиксирована корреляция между меньшим уровнем неравенства и соблюдением «Конвенции о свободе ассоциации и защите права на организацию» (1948) и «Конвенции о применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров» (1949) [World of Work Report, 2008: p. 83].

Необходимо отметить, что антипрофсоюзная политика правящих классов экономически развитых стран осуществлялась на фоне ускоряющегося процесса экономической глобализации, открывшего капиталу широкие возможности экономии на труде и способствующего деюнионизации развитых стран. Слабые периферийные государства, не обладая ни экономическими, ни политическими, ни институциональными ресурсами, сопоставимыми с уровнем развитых стран, в этих условиях использовали единственный способ привлечения инвестиций — максимальное удешевление труда и блокирование любых процессов, которые могли бы привести к самоорганизации трудящихся [Малахов, 2013: с. 103]. Дешевизна рабочей силы, отсутствие (или крайняя слабость) профсоюзов и лояльное к иностранному капиталу законодательство стали убедитель-

ными аргументами для западных корпораций в пользу экспорта производств в страны третьего мира. В результате это сыграло злую шутку с экономиками развитых стран, где данный процесс привел к деиндустриализации и вымыванию «хороших» рабочих мест и в совокупности с деюнионизацией (т.к. наиболее боевитая часть тред-юнионов приходилась на передислоцированные за рубеж предприятия обрабатывающей промышленности) приводил к падению уровня жизни большинства населения и ослаблению экономики.

В последние десятилетия членская база, боевитость и организованность профсоюзов снизились в большинстве стран мира. Это привело к эрозии коллективно-договорного процесса, который в период фордизма и кейнсианства являлся одним из основных факторов повышения благосостояния трудящихся. Исследования МОТ подтвердили, что с 1989 года плотность профсоюзов снизилась в большинстве стран мира. Падение было особенно резким в странах Центральной и Восточной Европы: более 50% в Чешской Республике, Эстонии, Венгрии, Латвии и Литве, где до начала 1990-х годов был почти всеобщий охват трудящихся профсоюзами [World of Work Report, 2008: p. 81].

После глобального кризиса 2008–2009 годов эрозия профсоюзов продолжилась. Изучение изменений в коллективно-договорном регулировании трудовых отношений, проведенное МОТ в 48 странах мира с 2008 по 2013 год, зафиксировало падение в них охвата колдоговорами на 4,6% при среднем уменьшении плотности профсоюзов на 2,3% [Visser, Hayter, Gammarrano, 2017: p. 9].

Значительное ослабление профсоюзов произошло в США, где реорганизация экономики в рамках установок неолиберализма привела к снижению охвата работников профсоюзами до 10,5%, а в частном секторе — до 6,4%. Снижение плотности профсоюзов происходило параллельно с падением их организованности и боевитости. Если, например, в 1970-е годы в среднем в США ежегодно регистрировалось 289 забастовок с участием в них как минимум 1000 рабочих, то в последнее десятилетие среднее количество стачек в США снизилось до 13 в год [Gupta, Lerner, McCartin, 2019]. Детальное исследование данных процессов позволило экспертам Института экономической политики (США) сделать заключение о том, что эрозия системы коллективных переговоров являлась одной из основных причин стагнации заработных плат американских трудящихся (как членов профсоюзов, так и не охваченных тред-юнионами работников). Кроме того, именно это объясняет от четверти до одной трети роста неравенства в оплате труда в данной стране в период 1973–2007 годов [Mishel, Gould, Bivens, 2015: p. 11].

Масштаб и специфика неравенства трудовых доходов в современном мире

Наиболее концентрированным выражением неравенства результатов в сфере труда является неравенство трудовых доходов, определяющее дифференциацию населения и общий уровень социального расслоения общества¹.

¹ Основываясь на систематических комплексных исследованиях сферы труда, эксперты МОТ при сравнении оценки общего распределения доходов с распределением трудовых доходов пришли к выводу, что никаких систематических различий не возникает. Это говорит о том, что распределение трудовых доходов является достаточно надежным показателем общего распределения доходов и дифференциации населения [World Employment, 2020: p. 77].

В глобальном измерении трудовой доход распределяется по всему миру очень неравномерно. Почти половина (48,9%) общемирового объема заработной платы приходится на долю всего 10% работников, в то время как половине занятого населения достается лишь его 6,4% [The Global Labor Income, 2019: p. 2].

Если разделить всех работников мира на 10 групп по уровню их заработных плат, то окажется, что средний представитель наиболее высокооплачиваемого дециля работников получает 7 475 долл. США в месяц, в то время как работник из числа нижнего по уровню зарплаты дециля зарабатывает всего 22 долл. США [The Global Labor Income, 2019: p. 1].

Ускорение разрыва в доходах верхних и нижних по зарплатам 10% работников особенно заметно после 90-х годов XX века. За период 1990–2005 годов рост дифференциации зафиксирован в 70% стран, в которых МОТ проводила исследования [World of Work Report, 2008: p. 1]. С начала 1990-х годов быстрыми темпами увеличивался разрыв в доходах между высшими должностными лицами и рядовыми сотрудниками. Например, в США годовой рост оплаты труда топ-менеджеров составлял в среднем почти 10% в год, что почти в 3 раза превышало этот показатель для менеджеров среднего звена (3,5%) и более чем в 14 раз для среднего работника (0,7%) [World of Work Report, 2008: p. 18]. Вследствие разности темпов роста данных показателей вознаграждение топ-менеджеров (не включая доходов от акций) превысило среднюю заработную плату как минимум в 50 раз, а в некоторых странах — в 180. Изучение заработной платы топ-менеджеров 15 крупнейших компаний в 6 выбранных странах показало, что главные исполнительные директора зарабатывали в 71–183 раза больше, чем рядовые сотрудники [World of Work Report, 2008: pp. 16–17]. С учетом дохода от акций менеджмент высшего звена в США в 2007 году получал в 521 раз больше среднего работника. Для сравнения, еще в 2003-м это соотношение составляло 370 : 1 [World of Work Report, 2008: p. 18].

Неравенство в оплате труда зависит как от индивидуальных характеристик и квалификации работников (пола, уровня образования, возраста, выслуги лет и т.д.), так и от множества других факторов, имеющих важное значение, например, страны проживания и уровня ее экономического развития, а также размера предприятия и отрасли, в которой они трудятся.

Половые различия выступают одним из базовых определителей неравенства на современных рынках труда. Гендерное неравенство проявляется как в неравных возможностях доступа к труду, так и в его условиях и результатах, вследствие чего женщины оказываются в числе наиболее уязвимых групп трудящихся. Уровень экономической активности женщин существенно ниже, чем в случае мужчин (47% по сравнению с 74%), женщины больше трудятся в неформальном секторе, их труд более уязвимый и меньше оплачиваемый. В большинстве стран разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами находится в диапазоне от 10% до 25% [World Employment, 2019: p. 3].

Исследования гендерных различий и неравенства при выходе на рынок труда, проведенные в 27 европейских странах, зафиксировали, что в большинстве индустриальных стран разрыв в доходах в ущерб женщинам существует уже на первом рабочем месте. Кроме того, было выявлено, что, например, в Эстонии и Германии шансы женщин занять руководящую должность ниже, чем у мужчин,

примерно на 40 %. Это при том, что в целом в исследуемых странах уровень образования в начале трудового пути у женщин выше [Скопек, 2016: с. 115].

А, например, в США гендерное неравенство особенно сильно проявляется в престижных профессиях, требующих высокой квалификации. Так, женщины-менеджеры по компенсациям и льготам зарабатывают 68%, женщины-врачи — 64%, а личные финансовые советники-женщины — 62% от уровня зарплаты их коллег-мужчин [В США от зарплатного неравенства, 2016].

Возраст — еще один важный индикатор неравенства в сфере труда. Старшие работники, как правило, имеют более высокий уровень заработной платы, а также не так сильно, как молодежь, страдают от безработицы. В частности, общий уровень недоиспользования рабочей силы среди молодежи более чем вдвое превышает этот показатель среди людей зрелого возраста (26% и 11% соответственно) [World Employment, 2020: p. 20]. Большая часть рабочих мест молодежи относится к уязвимым — три четверти молодых людей работают в неформальном секторе [Вестник МОТ, 2020: с. 5]. А почасовая заработная плата более зрелых людей трудоспособного возраста в среднем на 71% превышает зарплату их молодых коллег (что в большинстве случаев объясняется более высоким уровнем квалификации и большим трудовым стажем) [Вестник МОТ, 2020: с. 7].

Больше всего неравенство доходов зависит от страны проживания и уровня ее экономического развития. Как известно, глобальное неравенство в оплате труда хотя и незначительно, но начало снижаться¹, в то время как внутри и между странами оно остается на очень высоком уровне. По заключению одного из ведущих исследователей данной проблемы профессора Городского университета Нью-Йорка Б. Милановича, глобальное неравенство, которое в XIX веке в равной степени определялось различиями в классовой принадлежности и стране проживания, сегодня представляет собой феномен, определяемый зачастую только страной проживания [Миланович, 2016: с. 18]. По его расчетам, доходы беднейших 5% американцев превышают таковые у большинства жителей планеты. А, например, самые бедные 5% жителей Дании живут более богато, чем 82% мирового населения.

Анализ межстранового неравенства свидетельствует о том, что в современных условиях самым большим оказывается разрыв между наиболее бедными группами богатых и бедных стран — как по доходам, так и по уровню заработной платы. Исследование, проведенное среди наемных работников трех профессий с разным уровнем квалификации и заработной платы (строительный рабочий, квалифицированный промышленный рабочий и инженер) в пяти крупнейших городах двух богатых (Лондон, Нью-Йорк) и трех бедных стран (Пекин, Дели, Найроби), зафиксировало, что разрыв в уровнях реальной заработной платы является самым большим для наименее оплачиваемых, неквалифицированных рабочих. В их случае соотношение данных показателей в богатых и бедных странах достигло пропорции 11 : 1, в то время как для квалифицированных промышленных рабочих и инженеров оно составляло 5,8 : 1 и 3,3 : 1 соответственно [Миланович, 2016: сс. 20–21]. Весомая разница в уров-

1 Данная тенденция наметилась с 2004 года и объясняется высокими темпами экономического роста Китая и Индии, который посредством экономической конвергенции способствовал снижению глобального неравенства [World Employment..., 2020: 70].

не заработных плат между странами выводит проблему миграции на одно из ключевых мест в политической повестке дня, ибо именно миграция сегодня представляет собой один из наиболее распространенных для людей из бедных регионов способ выбраться из тисков бедности и нищеты.

В целом, в бедных странах уровень неравенства трудовых доходов, как правило, более высокий, чем в богатых. Это, по заключению ученых, обусловлено двумя ключевыми факторами. Во-первых, очень высоким уровнем дохода верхних 10%, получающих зачастую гораздо большую долю совокупного трудового дохода, чем следующие за ними в распределении трудового дохода 40% работников. А во-вторых, — чрезвычайно низким уровнем заработка нижних 50% работников [World Employment, 2020: p. 72]. Так, наиболее высокие уровни неравенства трудовых доходов сегодня фиксируются в Африке, в то время как в Европе и Центральной Азии данная проблема не носит столь острого характера. Если в глобальном измерении более бедной половине всего занятого населения пришлось бы работать около 14 лет, чтобы получить годовой заработок более богатой половины, то, например, в Африке (регионе с наибольшим неравенством) этот показатель достигает 28 лет, а в Европе и Центральной Азии — всего 4 года. В Северной и Южной Америке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе он составляет 7 и 13 лет соответственно [World Employment, 2020: p. 73].

Кроме того, эксперты обращают внимание на довольно высокий уровень межотраслевого неравенства в сфере труда. Наиболее высокооплачиваемые работники сосредоточены в секторе недвижимости и финансовых услуг. При этом доля женщин в них непропорционально низка, и даже наличие высшего образования (ключевого фактора снижения неравенства) не гарантирует получение высокооплачиваемой работы в данных сферах [Заработная плата в мире, 2018: с. 4].

Достаточно ощутимым в последние годы был и рост неравенства между предприятиями. Исследования, проведенные в США, показали, что данный вид неравенства объяснял большую часть прироста общего уровня неравенства трудовых доходов в период с 1981 по 2013 год. Углубление неравенства между предприятиями стало результатом растущей поляризации труда: квалифицированные кадры были сосредоточены на одних предприятиях, а малоквалифицированные — на других, что соответствовало тенденции реструктуризации деятельности и передачи ее периферийной составляющей сторонним исполнителям на основе подряда или франшизы. Уровень данного вида неравенства, как правило, выше в развивающихся странах. Если, например, в развитых странах средняя заработная плата на 10% предприятий с наиболее высокой оплатой труда превышает таковую на 10% предприятий с наименьшим уровнем зарплат в 2–5 раз, то в развивающихся странах это соотношение составляет 8 раз (Вьетнам), а в некоторых случаях — 12 (ЮАР) [Заработная плата в мире, 2018: с. 5].

Кроме того, важное место в общей картине неравенства в сфере труда занимает неравенство трудовых доходов внутри предприятий. Например, в 2010 году на долю такого вида неравенства в европейских странах приходилась почти половина совокупного неравенства. Если сравнить зарплаты отдельных работников со средним уровнем оплаты труда на предприятии, где они трудятся, то обнаружится, что большинство работников (примерно 80%) получают меньше этого среднего уровня [Заработная плата в мире, 2018: с. 6]. Завышенная оплата труда отдельных работников на некоторых предприятиях приводит к

формированию «пирамиды» крайне неравномерно распределенной зарплаты, что подчеркивает масштаб и степень неравенства в оплате труда не только между предприятиями, но и внутри них. Данные тенденции характерны для стран с разным уровнем экономического развития и в совокупности с другими обозначенными факторами обуславливают ухудшение положения трудящихся и повышение уязвимости занятости в современном мире.

Выводы

Исходной точкой тектонических изменений общественной жизни в условиях постфордизма стало реформирование сферы труда и занятости. Такие тенденции последних десятилетий, как снижение доли трудовых доходов в национальном доходе стран, размывание связи между производительностью и ростом заработной платы, демонтаж государства всеобщего благосостояния и ослабление переговорной силы профсоюзов, являющиеся результатом перекраивания глобальной экономической системы по неолиберальным лекалам, относятся к числу ключевых причин роста неравенства в сфере труда. В результате современные рынки труда представляют собой пространство пересечения множества неравенств (в первую очередь, гендерного, возрастного и неравенства трудовых доходов), формирующих жесткую конкурентную среду, ведущую к маргинализации наемной рабочей силы и вытеснению все большего числа трудящихся в область уязвимой занятости и в ряды прекариата.

В полной мере негативные последствия неолиберальной политики стали очевидны в условиях охватившей мир в 2020 году пандемии COVID-19. Перед лицом последней органы здравоохранения большинства стран оказались слишком слабыми, чтобы эффективно бороться с массовой заболеваемостью, а истощенные неолиберальными реформами государства — лишеными ресурсов для преодоления последствий данной глобальной беды. В результате это привело к взрывному росту бедности и неравенства в большинстве стран мира, фактически перечеркнув прогресс последних десятилетий по базовым показателям развития.

Не удивительно, что пандемия значительно изменила приоритеты на будущее — люди больше не хотят жить в столь неравном и несправедливом мире, требуя кардинальных перемен социально-экономической политики в своих странах. Социологические опросы свидетельствуют, что сегодня большинство населения поддерживает повышение налогов на доходы самых богатых людей и введение базового дохода, считают необходимым предоставление бесплатной медицинской помощи заболевшим COVID-19 и увеличение государственной поддержки сферы здравоохранения. Кроме того, большая доля граждан высказывается за снижение корпоративной власти и расширение прав и возможностей работников [Zamore, Phillips, 2020]. При этом люди хотят реальных, а не декларируемых перемен: 86%¹ взрослого населения планеты желает, чтобы мир значительно изменился и стал более устойчивым и справедливым, а не вернулся к допандемическому статус-кво.

1 Данные глобального опроса, проведенного социологической компанией Ipsos в 27 странах с высоким и средним уровнем доходов (сентябрь 2020 года, N = 21000 чел.) [Around the world, 2020].

Такое массовое стремление народов мира к равенству и справедливости требует кардинального изменения социально-экономической политики государств. Человечеству необходимо использовать пандемию в качестве «трамплина»¹, но не просто для того, чтобы «спасти капитализм от самого себя» [Стиглиц, 2020: с.313], а с целью построения более гармоничного и справедливого общества в интересах большинства населения планеты.

Источники

Анисимов, Р.И. (2019). Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости. *Вестник РУДН. Сер.: Социология*, 19 (3), 543–552.

Буткалюк, В.А. (2021). Социальные последствия трансформирования сферы труда в условиях экономической глобализации. *Социологические исследования*, 1, 121–131.

В США от зарплатного неравенства сильнее всего страдают женщины с престижными профессиями (2016). Получено с: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/05/25/642300-ssha-zarplatnogo-neravenstva-silnee-vsego-stradayut-zhenschini-prestizhnimi-professiyami>

Заработная плата и справедливый рост в 2012–2013 гг. (2013). Женева: Международное бюро труда.

Заработная плата в мире в 2016–2017 гг. (2018). Женева: Международное бюро труда.

Клаус Шваб: Пандемия как трамплин (2020). *Euronews*. Получено с: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet>

Малахов, В.С. (2013). *Государство в условиях глобализации*: учебное пособие. Москва: КДУ.

Миланович, Б. (2016). Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам. *Экономическая политика*, 11 (1), 14–26.

МОТ (2020). COVID-19 и сфера труда. *Вестник МОТ: Вып.4: Обновленные оценки и анализ*, 27 мая.

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах (2017). Женева: Международное Бюро Труда.

Скопек, Я, Тривенти, М., Косякова, Ю, Букхольц, С., Блоссфельд, Х.-П. (2016). Гендер и начало трудового пути: результаты международного сравнительного исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XIX, 5 (88), 98–126.

Стедмен-Джоунз, Д. (2017). *Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер*. Москва, Челябинск: Социум, Мысль.

Стиглиц, Дж. (2020). *Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства*. Москва: Альпина Паблишер.

Тощенко, Ж.Т. (2018). *Прекариат: от протокласса к новому классу*. Москва: Наука.

Труд во имя человеческого развития (2015). Доклад о человеческом развитии. ПРООН.

Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., Zucman, G. (2017). *World Inequality Report 2018. Laboratory of inequality in the world*. Retrieved from: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>.

Around the world, people yearn for significant change rather than a return to a «pre-COVID normal» (2020). Retrieved from: <https://www.ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19>.

Bradley, D. (2003). Distribution and redistribution in postindustrial democracies. *World Politics*, 55, 193–228.

Calderon, C., Chong, A., Valdes, R. (2004). *Labor market regulations and income inequality: Evidence for a panel of countries*. Washington, DC: Inter-American Development Bank.

1 Использовать текущий корона-кризис как «трамплин» для перехода к более инклюзивной и справедливой модели развития призвал исполнительный председатель Всемирного экономического форума профессор Клаус Шваб [Клаус, Шваб, 2020].

Conclusions of the Meeting of Experts on Non-Standard Forms of Employment (2015). International Labour Office.

Decoupling of wages from productivity: what implications for public policies? (2018). *OECD Economic Outlook*, Iss. 2.

Gupta, S., Lerner, J., McCartin, A. (2019). *Why the Labor Movement Has Failed – And How to Fix It*. Retrieved from: [//bostonreview.net/forum/sarita-gupta-stephen-lerner-joseph-mccartin-why-labor-movement-has-failed%E2%80%94and-how-fix-it](http://bostonreview.net/forum/sarita-gupta-stephen-lerner-joseph-mccartin-why-labor-movement-has-failed%E2%80%94and-how-fix-it)

Hein, E., Mundt, M. (2012). *Financialisation and the requirements and potentials for wage-led recovery: a review focussing on the G20*. Geneva: ILO.

Koeniger, W., Leonardi, M., Nunziata, L. (2007). Labor market institutions and wage inequality. *Industrial and Labor Relations Review*, 60 (3), 340–356.

Mishel, L., Gould, E., Bivens, J. (2015). *Wage stagnation in nine charts*. Economic Policy Institute.

Pasimeni, P. (2018). *The Relation between Productivity and Compensation in Europe*. European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Rueda, D., Pontusson, J. (2000). Wage inequality and varieties of capitalism. *World Politics*, 52, 350–383.

Statistics on labour income and inequality (2017). ILOSTAT. Retrieved from: [//ilostat.ilo.org/topics/labour-income](http://ilostat.ilo.org/topics/labour-income)

The Inequality Virus. Bringing together a world torn apart by coronavirus through a fair, just and sustainable economy (2021). Oxford: Oxfam International. Retrieved from: <https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621149/bp-the-inequality-virus-250121-en.pdf>

The Productivity–Pay Gap (2019). *Economic Policy Institute*. Retrieved from: <https://www.epi.org/productivity-pay-gap/>

Visser, J., Hayter, S., Gammarano, R. (2017). *Trends in collective bargaining coverage: Stability, erosion or decline?* Geneva: ILO. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_protect/-protrav/-travail/documents/publication/wcms_409422.pdf

Wallerstein, M. (1999). Wage-setting institutions and pay inequality in advanced industrial societies. *American Journal of Political Science*, 43 (3), 649–680.

World of Work Report (2008). *Income Inequalities in the Age of Financial Globalization*. Institut for labour studies. International Labour Organization.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). Geneva: ILO.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020 (2020). Geneva: ILO.

Zamore, L., Phillips, B. (2020). *COVID-19 and Public Support for Radical Policies*. Center on International Cooperation. Retrieved from: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf>

Получено 09.06.2021

References

Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., Zucman, G. (2017). *World Inequality Report 2018. Laboratory of inequality in the world*. Retrieved from: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>

Anisimov, R.I. (2019). Precarious Labor: Who Wins? Theoretical and methodological analysis of approaches to the study of precarious work. [In Russian]. *RUDN Bulletin. Ser.: Sociology*, 19 (3), 543–552. [=Анисимов 2019]

Around the world, people yearn for significant change rather than a return to a «pre-COVID normal». (2020). Retrieved from: <https://www.ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19>

Bradley, D. (2003). Distribution and redistribution in postindustrial democracies. *World Politics*, 55, 193–228.

Butkaliuk, V.A. (2021). Social Consequences of the Transformation of the World of Work in the Conditions of Economic Globalization. [In Russian]. *Sociological research*, no 1, pp. 121–131. [=Буткалюк 2021]

- Calderon, C., Chong, A., Valdes, R. (2004). *Labor market regulations and income inequality: Evidence for a panel of countries*. Washington: Inter-American Development Bank.
- Conclusions of the Meeting of Experts on Non-Standard Forms of Employment. (2015). International Labour Office.
- Decoupling of wages from productivity: what implications for public policies? (2018). *OECD Economic Outlook*, Iss. 2.
- Gupta, S., Lerner, J., McCartin, A. (2019). *Why the Labor Movement Has Failed – And How to Fix It*. Retrieved from: [//bostonreview.net/forum/sarita-gupta-stephen-lerner-joseph-mccartin-why-labor-movement-has-failed%E2%80%94and-how-fix-it](http://bostonreview.net/forum/sarita-gupta-stephen-lerner-joseph-mccartin-why-labor-movement-has-failed%E2%80%94and-how-fix-it)
- Hein, E., Mundt, M. (2012). *Financialisation and the requirements and potentials for wage-led recovery: a review focussing on the G20*. Geneva: ILO.
- ILO. (2017). Non-standard forms of employment. Analysis of problems and prospects for solutions in different countries. Geneva: International Labor Office.
- ILO. (2018). Wages in the world in 2016–2017. International Labor Organization.
- ILO. (2020). ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fourth edition. Updated estimates and analysis. International Labor Organization.
- In the United States, women with prestigious professions suffer the most from wage inequality. (2016). [In Russian]. Retrieved from: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/05/25/642300-ssha-zarplatnogo-neravenstva-silnee-vsego-stradayut-zhenschini-prestizhnimi-professiyami> [=B CИA 2016]
- Klaus Shwab: Pandemic as a springboard. (2020). Euronews. Retrieved from: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet>.
- Koeniger, W., Leonardi, M., Nunziata, L. (2007). Labor market institutions and wage inequality. *Industrial and Labor Relations Review*. 60 (3), 340–356.
- Malakhov, V.S. (2013). State in the context of globalization: textbook. 2nd edition, revised and enlarged. [In Russian]. Moscow: KDU. [=Малахов 2013]
- Milanovic, B. (2016). Global inequality: from class to country of residence, from proletarians to migrants. [In Russian]. *Economic policy*, vol. 11, no 1, pp. 14–26. [=Миланович 2016]
- Mishel, L., Gould, E., Bivens, J. (2015). *Wage stagnation in nine charts*. Economic Policy Institute.
- Pasimeni, P. (2018). *The Relation between Productivity and Compensation in Europe*. European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Rueda, D., Pontusson, J. (2000). Wage inequality and varieties of capitalism. *World Politics*, 52, 350–383.
- Skopek I, Triventi M., Kosyakova Y, Bukholz S., Blossfeld H.-P. (2016). Gender and the beginning of the career: the results of an international comparative study. [In Russian]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XIX, 5 (88), 98–126. [=Скопек, Тривенти, Косякова, Букхольц, Блоссфельд 2016]
- Statistics on labour income and inequality. (2017). ILOSTAT. Retrieved from: [//ilostat.ilo.org/topics/labour-income](http://ilostat.ilo.org/topics/labour-income)
- Steadman-Jones, D. (2017). *The Birth of Neoliberal Politics: From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher*. [In Russian]. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium; Mysl. [=Стедмен-Джоунз 2017]
- Stiglitz, J. (2020). *People, Power, and Profit: Progressive Capitalism in an Age of Mass Discontent*. [In Russian]. Moscow: Alpina Publisher. [=Стиглиц 2020]
- The Inequality Virus. Bringing together a world torn apart by coronavirus through a fair, just and sustainable economy* (2021). Oxford: Oxfam International. Retrieved from: <https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621149/bp-the-inequality-virus-250121-en.pdf>
- Toshchenko, Zh.T. (2018). Precaria: from protoclass to a new class. [In Russian]. Moscow: Nauka. [=Тощенко 2018]
- UNDP. (2015). Labor for human development. Human Development Report.
- Visser, J., Hayter, S., Gammarano, R. (2017). *Trends in collective bargaining coverage: Stability, erosion or decline?* Geneva: ILO. Retrieved from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_protect/-protrav/-travail/documents/publication/wcms_409422.pdf
- Wages and Fair Growth 2012–2013* (2013). GTCP and ILO Office for Eastern Europe and Central Asia. The International Labour Organization.

Wallerstein, M. (1999). Wage-setting institutions and pay inequality in advanced industrial societies. *American Journal of Political Science*, 43 (3), 649–680.

World of Work Report (2008). *Income Inequalities in the Age of Financial Globalization*. Institut for labour studies. International Labour Organization.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). Geneva: ILO.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020 (2020). Geneva: ILO.

Zamore, L., Phillips, B. (2020). *COVID-19 and Public Support for Radical Policies*. Center on International Cooperation. Retrieved from: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf>

Received 09.06.2021

ВІТАЛІНА БУТКАЛЮК

Нерівність у сфері праці: глобальний вимір

Перехід світової економіки від кейнсіанства до неолібералізму наприкінці ХХ століття спричинив тектонічні зсуви у сфері праці та зайнятості. Організація виробничого процесу на неоліберальних принципах в умовах постфордистського режиму нагромадження капіталу призвела до того, що постійними атрибутами сфери праці стали нестабільність і ненадійність зайнятості, високий рівень недовикористання праці, неабияке поширення робочої бідності та малозабезпеченості, а також стрімке зростання нерівності, що загрожує сьгодні суспільному розвитку і стабільності суспільства.

У статті на засадах економіко-соціологічного підходу автор досліджує причини розширення і специфіку прояву нерівності у сфері праці в умовах постфордистського неоліберального реформування глобальної економічної системи.

Автор вирізняє її характеризує ключові тенденції у функціюванні ринку праці, що спричиняються до посилення нерівності впродовж останніх десятиліть (зниження частки трудових доходів у національному доході країн, ослаблення зв'язку між підвищенням продуктивності праці та її оплатою, ерозія профспілкового руху і демонтаж держави загального добробуту). Основну увагу приділено вивченню феномену нерівності трудових доходів, його динаміки та форм прояву в сучасному світі, а також визначенню впливу на цей різновид нерівності, з одного боку, індивідуальних характеристик робітників, а з іншого— особливостей галузі економіки, розміру підприємства та рівня соціально-економічного розвитку країни.

На підставі дослідження цих процесів автор виводить висновок, що перерозподіл доходів на користь капіталу і висока диференціація їх є квінтесенцією неоліберального капіталізму. Економічне і політичне виснаження національних держав в умовах неоліберальних реформ призвело до низької ресурсності їх, недостатньої ані для проведення широкої соціальної політики й допомоги нужденним, ані для адекватної боротьби із наслідками характерних для капіталізму криз чи якихось форс-мажорних ситуацій, таких як поточна пандемія COVID-19.

Ключові слова: неолібералізм, постфордизм, праця, соціально-економічна нерівність, нерівність у сфері праці, нерівність трудових доходів

ВІТАЛІНА БУТКАЛЮК

Неравенство в сфере труда: глобальное измерение

Переход мировой экономики от кейнсианства к неоллиберализму на исходе ХХ века повлек за собой тектонические сдвиги в сфере труда и занятости. Организация производственного процесса на неоллиберальных принципах в условиях постфордистского режима накопления капитала привела к тому, что постоянными атрибутами сферы труда стали нестабильность и ненадежность занятости, высокий уровень недоиспользования труда, широкое распространение рабочей бедности и малообеспеченности, а также стремительно увеличивающееся неравенство, грозящее сегодня общественному развитию и стабильности общества.

В статье на основе экономико-социологического подхода автор исследует причины расширения и специфику проявления неравенства в сфере труда в условиях постфордистского неолиберального реформирования глобальной экономической системы.

Автор выделяет и характеризует ключевые тенденции в функционировании рынка труда, приводящие к усилению неравенства в течение последних десятилетий (снижение доли трудовых доходов в национальном доходе стран, ослабление связи между ростом производительности труда и его оплатой, эрозию профсоюзного движения и демонтаж государства всеобщего благосостояния). Основное внимание уделяется изучению феномена неравенства трудовых доходов, его динамики и форм проявления в современном мире, а также определению влияния на данный вид неравенства, с одной стороны, индивидуальных характеристик работников, а с другой — особенностей отрасли экономики, размера предприятия и уровня социально-экономического развития страны.

На основании исследования данных процессов автор приходит к выводу, что перераспределение доходов в пользу капитала и их высокая дифференциация являются квинтэссенцией неолиберального капитализма. Экономическое и политическое истощение национальных государств в условиях неолиберальных реформ привело к их низкой ресурсности, недостаточной ни для проведения широкой социальной политики и помощи нуждающимся, ни для адекватной борьбы с последствиями характерных для капитализма кризисов или каких-либо форс-мажорных ситуаций, таких как текущая пандемия COVID-19.

Ключевые слова: неолиберализм, постфордизм, труд, социально-экономическое неравенство, неравенство в сфере труда, неравенство трудовых доходов

VITALINA BUTKALIUK

Global dimension of labor inequality

The transition of the world economy from Keynesianism to neoliberalism at the end of the twentieth century entailed tectonic shifts in the sphere of labor and employment. The organization of the production process on neoliberal principles under the conditions of the post-Fordist regime of capital accumulation has led to instability and insecurity of employment, a high level of labor underutilization, widespread labor poverty, as well as the rapidly increasing inequality that threatens social development today and stability of society.

Based on the economic-sociological approach the author examines the reasons for the expansion and the specifics of the manifestation of inequality in the world of work in the context of the post-Fordist neoliberal reform of the global economic system.

The article characterizes the key trends in the functioning of the labor market, contributing to the increase in inequality over the past decades (a decrease of the labor share in the national income, a reduction in the relationship between productivity and wages growth, the erosion of the trade union movement and the destruction of the welfare state). The main attention is paid to the study of the phenomenon of labor income inequality, its dynamics and forms of manifestation in the modern world, as well as to identify the impact on this type of inequality, both individual characteristics of workers and the characteristics of the industry, size of the enterprise, as well as the level of socio-economic development of the country.

Based on the study of these processes, the author concludes that the redistribution of income in favor of capital and their high differentiation are the quintessence of neoliberal capitalism. The economic and political depletion of nation states in the context of neoliberal reforms led to their low resources, insufficient either to carry out a broad social policy and help those in need, or to adequately combat the consequences of crises characteristic of capitalism or any force majeure situations, such as, for example, the current COVID-19 pandemic. To get the global economy out of the current crisis requires the implementation of fundamental changes not only in the field of economic policy, but also in the entire system of distribution of public goods.

Keywords: neoliberalism, post-Fordism, labor, socio-economic inequality, labor inequality, labor income inequality